

Старший дядя Вэй с силой поставил чашку на стол и произнес:

— Этот больной человек раньше и не считал Вэй Цинтан своей дочерью, а теперь изображает, будто заботится о ней!

Четвертый дядя Вэй посмотрел на своих старших братьев и с беспокойством спросил:

— Старший брат, а вдруг третий брат знает, почему мы хотим поскорее выдать его дочь замуж? Может, он специально тянет время?

Старший дядя Вэй усмехнулся:

— Тянет? Когда он умрет, его дочери будет еще хуже!

Второй дядя Вэй понизил голос и предупредил:

— Старший брат, говори тише, вдруг он еще не ушел далеко. Ведь он не знает, что мы уже в курсе...

Голоса в кабинете стихли, растворившись в лунном свете середины осени.

Луна висела высоко в небе.

Чэн Чжаньси в своей съемной квартире разговаривала с семьей по видеосвязи.

Мама Чэн жалела ее за то, что она живет в съемной квартире, и придиралась ко всему, пытаясь уговорить ее вернуться домой.

— Эта квартира не такая уж и маленькая. Где она маленькая? Я живу одна, мне не нужно много места.

Мама Чэн запинаясь сказала:

— Семья Вэй снова справлялась о тебе...

Почему эта семья все еще не сдалась? Хотя она действительно нравится всем, как цветок, который привлекает взгляды, но не настолько же, чтобы мисс Вэй преследовала ее, которую она даже не видела.

Чэн Чжаньси искренне спросила:

— Мама, ты не задумывалась над одним вопросом.

Мама Чэн:

— Каким?

Чэн Чжаньси с серьезным выражением лица сказала:

— Может, семья Вэй на грани банкротства?

Мама Чэн:

— .....

Рядом раздался звонкий смех молодого человека, и в кадре появилось лицо, похожее на Чэн Чжаньси. Чэн Юаньси с улыбкой сказал:

— Сестра, ты правильно не пошла в бизнес. С твоей способностью судить, наша компания уже бы обанкротилась.

Этот главный виновник еще смеет смеяться над ней!

Чэн Чжаньси рассердилась:

— Заткнись!

Чэн Юаньси тут же убрал улыбку и серьезно сказал:

— Ты только что спросила, не на грани ли банкротства семья Вэй. Я могу ответить: нет, семья Вэй по-прежнему процветает.

Мама Чэн упрекнула Чэн Чжаньси:

— Ты уже полгода не дома, даже на праздник середины осени не вернулась.

Чэн Чжаньси терпеливо объяснила:

— Не то чтобы я не хотела, просто завтра у меня занятия.

— Ты записалась на какие-то курсы? — спросила мама Чэн, думая, что она, как и раньше, пошла учиться чему-то необычному. — Нельзя попросить у преподавателя несколько дней отпуска?

— Я сама преподаватель, — сказала Чэн Чжаньси.

Мама Чэн пока не была сильно удивлена, подумала и сказала:

— Ты учишь рисованию? У тебя уже такая известность, а ты не можешь отдохнуть пару дней?

— Нет, я преподаю физкультуру. Теперь я славный учитель народа, — сказала Чэн Чжаньси. — Я должна отвечать за своих учеников.

Сказав это, Чэн Чжаньси почувствовала, что эти слова звучат знакомо. Кто же это говорил?

Юй Цинтан говорила. Учитель Юй так хорошо умеет говорить.

Чэн Чжаньси провела тыльной стороной пальца по кончику носа, опустив глаза, чтобы скрыть смущение.

Чэн Юаньси прищурился, поняв, что дело не так просто.

Его сестра, кажется...

Мама Чэн не долго раздумывала над тем, что Чэн Чжаньси стала учителем физкультуры. Ее дочь с детства поступала не по обычному сценарию, главное, чтобы она была счастлива.

Разговор снова вернулся к семье Вэй, и мама Чэн сказала, что Вэй Тиньюй уже приходил с визитом, и она просто не знала, что делать.

Чэн Чжаньси с выражением затруднения на лице призналась маме:

— Если бы это было некоторое время назад, я бы, возможно, послушалась тебя и встретила с мисс Вэй. Но сейчас у меня есть та, кто мне нравится, и я стала учителем физкультуры, чтобы завоевать ее. Поэтому...

Мама Чэн молчала несколько секунд, затем покачала головой и рассмеялась:

— Ладно, раз так, я откажу семье Вэй. Скажем, что у тебя и мисс Вэй не судьба.

Чэн Чжаньси понизила голос, с чувством вины сказала:

— Прости.

Мама Чэн ответила:

— Это не твоя вина, это всё вина твоего брата. Позже я его отлуплю и поведу в семью Вэй с извинениями.

Чэн Юаньси тоже сказал:

— Да, это я случайно «изогнулся» и не могу жениться на мисс Вэй. Это не твоя вина. Мужчина должен сам отвечать за свои поступки.

Папа Чэн, закончив разговор по телефону, подошел и, услышав последнюю часть, спокойно добавил:

— Помолвку с детства, кажется, предложил я, так что большая часть ответственности на мне.

Чэн Чжаньси рассмеялась.

— Мама тебя любит.

— Папа тебя любит.

— Брат тебя любит.

На экране планшета, закрепленного на журнальном столике, папа и мама Чэн подняли по одной руке, изобразив над головой Чэн Юаньси большое сердце. Чэн Юаньси сидел посередине, сложив руки перед собой в маленькое сердце.

— Я тоже вас люблю.

Чэн Чжаньси подняла руку над головой, нарисовав форму сердца.

— Возвращайся поскорее домой, — сказала мама Чэн перед тем, как закончить разговор.

— Я вернусь, как только будет возможность.

Когда Чэн Чжаньси училась за границей, она не могла вернуться домой на праздник середины осени, но каждый раз семья собиралась вместе. Ее родители и брат специально прилетали в город, где она училась, чтобы быть вместе. Если подумать, это, кажется, первый праздник середины осени, который она провела без семьи.

Чэн Чжаньси одна ела лунные пряники, немного погрузив, отправила сообщение Юй Цинтан.

Она, наверное, с семьей ест лунные пряники и любуется луной, не так ли?

Во вторник были занятия, и из старого района до школы было далеко, поэтому в ночь праздника середины осени Юй Цинтан вернулась в свое жилище.

Фан Вэньцзяо сунула ей коробку с лунными пряниками, Юй Цинтан сделала вид, что не знает, что пряники были подарены Вэй Тинъюем, и села на последний автобус в новый район. В автобусе она была одна, положила сумку на соседнее сиденье, а на сумку — коробку с пряниками. В кармане завибрировал телефон.

Чэн Чжаньси: [Поднимаю бокал к луне, вдвоем с теньями.]

К фото был приложен бокал красного вина и наполовину съеденный лунный пряник.

Юй Цинтан промолчала.

Она положила телефон обратно в карман, не желая отвечать этой барышне.

Автобус ехал по улице, в старом районе и так было мало людей, а в ночной тиши он казался совсем пустым, будто в нем плакали призраки. Юй Цинтан смотрела на молчаливый затылок водителя автобуса, в голове проносились страшные картины, как он оборачивается.

Юй Цинтан снова достала телефон.

[Не вернулась домой?]

Чэн Чжаньси мгновенно ответила:

[Завтра занятия, конечно, я осталась здесь.]

Юй Цинтан еще не успела подумать, что ответить, как пришло новое сообщение:

[А ты?]

Юй Цинтан сфотографировала пустой автобус, но перед отправкой удалила фото и написала:

[Учитель Чэн очень предана своему делу.]

[Ты еще не ответила на мой вопрос.]

[Только что вышла из дома.]

[Значит, одна?]

[Да.]

[Ужинаешь? Я могу тебя встретить.]

Перед глазами Юй Цинтан снова возникла картина Чэн Чжаньси у входа в бар. Вечерний ветер развеивал ее длинные волосы, она одной рукой держала шлем, небрежно опираясь на байк, с легкой улыбкой на губах, легко привлекая взгляды прохожих, включая ее.

Она смотрела на нее, как на солнце.

Юй Цинтан потупила взгляд и набрала:

[Нет.]

[Ладно, сестра Юй, до завтра.]

[До завтра.]

Юй Цинтан заблокировала экран телефона.

Автобус добрался до места назначения, она вышла с коробкой лунных пряников и прошла пять минут пешком до дома. Достала один пряник, остальные положила в холодильник.

После осеннего равноденствия осень постепенно становилась глубже.

Юй Цинтан, собираясь в школу ранним утром, надела длинный плащ, чтобы хоть как-то защититься от утренней прохлады.

В шесть сорок она подошла к воротам школы, уже почти войдя, вдруг обернулась. У ворот, как обычно, были машины и велосипеды, ничего необычного.

Юй Цинтан снова повернулась вперед.

Сзади раздался глухой гул двигателя, что было редкостью не только в Первой школе, но и во всем Сычэне. Юй Цинтан с трудом сдержала желание обернуться.

Пока Чэн Чжаньси не проехала мимо нее, легко поставив ноги на землю и остановившись перед ней, преградив путь.

Взгляду открылись стройные длинные ноги Чэн Чжаньси с идеальными пропорциями. Облегающие черные джинсы подчеркивали прямые и ровные икры, а на ногах были новенькие чистые белые кроссовки.

Брючины джинсов были подвернуты, открывая изящный и нежный лодыжку белого цвета, создавая ощущение лаконичного стиля.

Юй Цинтан промолчала.

Она сделала вид, что не замечает, и обошла ее мотоцикл.

Чэн Чжаньси медленно тронула с места свой эффектный «Белый дьявол» и снова преградила ей дорогу.

Юй Цинтан остановилась и наконец подняла голову.

Опять классический сюжет: днем называю сестрой, а ночью сестра зовет меня.

Маленький театр:

Чэн Чжаньси: Сестра Юй, сестра Юй, сестра, сестра, сестра...

Юй Цинтан: Надеюсь, когда я буду в атаке, ты будешь так же развязна.